

Анатолий Васильевич Луначарский

Свобода книги и революция



Анатолий Васильевич Луначарский

Свобода книги и революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22136961

Аннотация

«Идея революции в большинстве умов прочно связана с идеей свободы. В самом деле, что такое революция, согласно самому глубокому ее анализу, тому, который дал Маркс? В обществе накаплиются новые силы, движимые экономической стихией развернувшейся новой формы хозяйственной жизни, верхние же пласты надстроек, выросшие на почве прежнего хозяйственного уклада, держат эти выросшие глубины в своих косных рамках. Происходит в известной стадии развития неизбежный взрыв, до сих пор сдерживаемые силы сегодняшнего дня разбивают вчерашние оковы и освобождаются...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Анатолий Луначарский

Свобода книги и революция

Идея революции в большинстве умов прочно связана с идеей свободы. В самом деле, что такое революция, согласно самому глубокому ее анализу, тому, который дал Маркс?

В обществе накаплиются новые силы, движимые экономической стихией развернувшейся новой формы хозяйственной жизни, верхние же пласты надстроек, выросшие на почве прежнего хозяйственного уклада, держат эти выросшие глубины в своих косных рамках. Происходит в известной стадии развития неизбежный взрыв, до сих пор сдерживаемые силы сегодняшнего дня разбивают вчерашние оковы и освобождаются.

С точки зрения классов процесс этот всегда выражается в том, что власть переходит в руки нового класса, выдвинутого экономической эволюцией в качестве естественного руководителя новой фазы культурного развития.

В обывательской же мысли, в мысли прогрессивного обывателя, не заходящего в своем анализе так глубоко, революция обыкновенно соединяется с классической формулой XVIII века: торжество свободы, равенства и братства.

Свобода на самом первом плане. Между тем на самом де-

ле ни одна революция не создает режима свободы и не может его создать. Революция есть гражданская война, неизменно сопровождаемая войною внешней. Латинская поговорка недаром говорит: «под звон оружия молчат законы»¹, и под звон оружия молчит искусство.

Это, конечно, особенно верно, когда дело идет о войне гражданской. Вся страна наполнена враждебными друг другу силами. Новое революционное правительство, не имеющее солидного государственного механизма, в несравненно большей мере вынуждено опасаться контрреволюционных происков, контрреволюционных мятежей, чем это бывает даже с самым закоснелым контрреволюционным правительством. С прошлым прямо и косвенно связано столько различных интересов, народ, переживающий революцию, в своих массах (как это было до сих пор во всех странах) еще настолько темен, что опасности эти ежеминутно грозят превратиться, как учит история, в настоящую гибель.

Вот почему даже революция социалистическая, происходящая под знаком окончания всяких войн и отмены всякой государственной власти, как идеалов *конечных*, на *первых* порах вынуждена усилить дух своеобразного милитаризма, усилить диктатуру государственной власти и даже, так сказать, полицейский ее характер.

Для настоящего революционера, не болтуна, а работника

¹ «Под звон оружия молчат законы» (Silent leges inter arma) из речи Цицерона в защиту Милона (52 г. до н. э.).

революции, совершенно ясно, что являющееся отвратительным и реакционным в руках соответственного реакционного правительства насилие оказывается священным, необходимым в руках революционера.

Революционер видит далеко, он сознает, что упразднение войны и государства возможно только через героическое, часто наступательное, энергичнейшее ведение войны и через жесткую диктатуру власти, через настоящую монополию власти в руках не только определенных классов, но даже определенных групп, именно тех, которые выражают классовую идеологию во всей полноте.

Обыватель этого не понимает. Он лепечет что – то о том, что вот – де революция, вышедшая из недр народа, протестовавшего против оков власти, оказывается *такой же* тиранией, как и прежде. Он лепечет что – то о готтентотской морали. Но в так называемой готтентотской морали есть глубочайший смысл. Разве есть на свете человек, который рассуждал бы во время войны иначе, чем пресловутый готтентот? Готтентот говорит: если я отобью у кого-нибудь жену, то это добро, а если кто-нибудь отобьет ее у меня, то это зло. А разве есть, повторяю, человек на свете, который не говорил бы: если мы разбили неприятеля, то это добро, а если он разбил нас, то это зло? И больше всего может быть уверен в том, что это субъективное добро совпадает с объективным, тот, кто ведет свою войну во имя великих идеалов.

Революция работает во имя великих идеалов. Имеет про-

тив себя целый мир врагов и потому обязана отступить от своих идеалов *в пути*. Средства вовсе не обязательно сходны с целью. Если вы хотите выгрести против течения на тихий остров, где думаете отдохнуть, то цель ваша – отдых, но из этого вовсе не следует, что вы можете отдыхать в лодке. Здесь от вас требуется величайшее напряжение.

– Наша цель, например, отсутствие всякой дисциплины, естественные взаимоотношения людей, основанные на понимании каждым интересов целого, на ясном представлении общественных трудовых процессов, в которых он участвует, но если вследствие этого мы бы заявили, что нам не нужна сейчас ни дисциплина партийная, ни дисциплина профессиональная, – хороши бы мы были гуси!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.